

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в астральных мифах тюрков и финно-угров: на примере мифологем Млечного Пути и Полярной звезды // Genesis: исторические исследования. 2024. № 12. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.12.72533 EDN: TVXQYW URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=72533

Параллели в астральных мифах тюрков и финно-угров: на примере мифологем Млечного Пути и Полярной звезды

Иликаев Александр Сергеевич

ORCID: 0009-0003-6773-9053

кандидат политических наук

доцент, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский Университет Науки и Технологий

450076, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32

✉ jumo@bk.ru

Шарипов Ренарт Глюсович

ORCID: 0000-0001-9597-5617

кандидат философских наук

Научный сотрудник; Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН

450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71

✉ externet@yandex.ru

[Статья из рубрики "Этнография и этнология"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.12.72533

EDN:

TVXQYW

Дата направления статьи в редакцию:

02-12-2024

Аннотация: Предметом данной статьи является сравнение астральной мифологии тюрков (прежде всего, башкир, татар, алтайцев, а также казахов, киргизов и турок) и финно-угров (прежде всего, марийцев, мордвы, коми, удмуртов, а также финнов и венгров) на примере ключевых мифологем-астронимов Млечного Пути и Полярной звезды. Хотя специалистами собран значительный материал по астронимам у указанных

групп этносов, актуальность исследования заключается в том, что до сих пор астральные представления тюрков и финно-угров специально между собой не сопоставлялись. Целью статьи стало сравнение астральных мифов тюрков и финно-угров, заключающееся в классификации соответствующих представлений с точки зрения общих моментов и особенностей, а также архаики и новаций. Основным методом исследования послужил анализ имеющейся этнографической литературы по астральной мифологии тюрков и финно-угров. Как нам удалось выяснить, для тюрков является очень популярным эсхатологический миф о звездах псах (волках), которые привязаны веревками к колу – Полярной звезде. Сравнение Млечного Пути с «дорогой птиц» было известно тюркам и финно-уграм, но, по мнению специалистов, возникло преимущественно в среде уральских народов. Тем не менее мы взялись предположить, что основа мифа о возникновении «птичьей дороги» как пути перелетных птиц, скорее всего, зародилась в регионе Урало-Поволжья. Сравнение Млечного Пути с «лыжным следом» (или просто следом на небе) было распространенным у финно-угров. Вероятно, оно восходило к сибирскому мифу о небесной охоте. Уподобление Млечного Пути снегу, скорее, как нам видится, имеет тюркское происхождение. По нашему мнению, сравнению Полярной звезды с «гвоздем» предшествовала мифологема «мирового столпа», отмечаемого у всех тюрок и финно-угров. Изначальной мифологемой «мирового столпа» у тюрок была идея Золотого столба. Кроме того для тюрков, как для специализированных скотоводов, было характерно представление о Полярной звезде как о коновязи. Особенностью финно-угорских наименований Полярной звезды является то, что они могут прямо соотносится с птицей, сидящей на вершине мирового столба, или даже звездной богиней.

Ключевые слова:

астральная мифология, космонимы, звезды, Млечный Путь, Полярная звезда, ось мира, мировой столб, тюрки, финно-угры, Северная Евразия

Теоретико-методологические основы и новизна исследования. Данная работа является своеобразным продолжением уже ранее опубликованного нами цикла статей, посвященных лунарным и солярным мифам тюрков и восточных финно-угров [\[14; 15\]](#).

В статье был использован комбинированный метод, включающий историографический анализ, сравнительный анализ мифов, лингвистический анализ. Сравнительный анализ, в свою очередь, проводился с использованием метода совпадений, когда общие черты в астральных представлениях тюрок и финно-угров выявлялись по сходным, встречающимся преимущественно только у них (либо наиболее развернутым только у них), образам и сюжетам. Для выяснения специфики астральных мифов в каждой из двух указанных групп этносов использовался метод противопоставлений, прежде всего подчеркивающий лингвистическую и семантическую разницу в понимании астронимов.

Для сопоставления основных образов и сюжетов астральной мифологии тюрков и финно-угров, авторы использовали преимущественно мифы башкир и мари, а также тех этносов, которые в первую очередь имеют отличные от других астронимические представления. Исходя из этого осуществлялась выборка конкретных народов.

Вопрос о влиянии астральных представлений на быт и тем более на производительные формы хозяйства (скотоводство, земледелие), мы решили вынести за рамки настоящей статьи, ограничившись некоторыми метеорологическими замечаниями, поскольку, как

справедливо по нашему мнению указал Ю.Е. Берёзкин, наиболее архаическая основа астральных мифов мало зависела от смены материальной культуры этноса. Она продолжала еще долго оставаться такой, какой была многие тысячи лет назад [\[5, с. 11-12\]](#). Вопрос же об отражении астральных мифов в скотоводческом и охотниччьем укладе тюрков и финно-угров требует отдельного рассмотрения.

Новизна исследования состоит в том, что авторы, на основе проведенного сравнительного анализа астральных представлений тюрков и финно-угров, выдвинули гипотезу об определенной урало-алтайской общности в области астральной мифологии, которая представляет собой еще достаточно ранний этап в развитии мифологических представлений тюрков и финно-угров. При этом у тюрков уже наблюдаются новации, связанные со специфической скотоводческой формой хозяйства, а у финно-угров продолжают сохраняться традиции, определяемые охотничьим матриецентричным обществом. Тем не менее стоит отметить, что базовые астрономические воззрения тюрков и финно-угров, вопреки некоторым, имеющимся в науке точкам зрения, не являются в своей основе «бедными» или большей частью заимствованными из авраамических религий, а также у соседних народов (преимущественно индоевропейцев: иранцев, славян и т.д.) или друг у друга. Данные выводы также, по мнению авторов, позволяют анализировать астральные мифологии с позиции оригинальной типологии, включающей в себя такие единицы анализа как специфические, общие и заимствованные представления о звездах, праформа для обозначения понятия «звезда», отражение астральных мотивов в именнике и т.д. Кроме того представляется, что анализ астральной мифологии невозможен без подробного описания таких значимых объектов как Млечный Путь и Полярная звезда, выявления их специфических, общих и заимствованных образов в представлениях тюрков и финно-угров.

История изучения проблемы. Астральные представления народов Северной Евразии в той или иной мере, в том числе в сравнительном аспекте, изучались или затрагивались различными учеными: М.А. Кастреном, Г.Н. Потаниным, У. Харвой, В.К. Магницким, А.Ф. Анисимовым (в том числе тюрков и финно-угров в целом) [\[36; 37\]](#). Также вопросы, касающиеся астронима Млечного Пути в отношении народов Северной Евразии, освещались В.В. Напольских [\[26\]](#).

Космогонические и в частности астральные представления древних тюрков и современных тюркских народов Евразии в той или иной степени исследовались в работах Н.Я. Бичурина, Л.Н. Гумилева, С.В. Киселева, С.Г. Кляшторного, И.В. Стеблевой, Л.П. Потапова, А.М. Сагалаева, Р.Н. Безертинова, Н.А. Алексеева, И.С. Гуревича, Д.В. Черемисина, М. Элиаде, Ф.М. Сулейманова. Ценная информация по историографии интересующей нас проблематики в современной Средней Азии отражена в диссертационной работе Н.И. Журакузиева, в которой автор ссылается на труды таких ученых по данной тематике как А. Бисенбаев, С.А. Каскабасов, Я. Калафат, Б. Угел, М. Сейидов, Х. Зариф, М. Сайдов, Б. Саримсоков, Н. Рахмонов, М. Жураев, Ш. Турдимова, Мусакулов, Г. Акромов, Ж. Эшонкулов [\[12\]](#). Среди казахских исследований последнего времени заслуживает внимания работа Х.-М.Ш. Илиуф [\[15\]](#).

В Республике Башкортостан астральная мифология башкир и других тюркских народов (в частности и древних тюрков) нашла свое отражение в трудах Н.Х. Максютовой, В.Ш. Псянчина, Р. Шакура, А.С. Баязитовой, В.С. Сулейманова, Г.Р. Абдуллиной, Г.Д. Гайнуллиной, С.Р. Каранаевой, А.А. Хазиевой, А.Г. Салихова и др. [\[1; 20; 33; 35\]](#).

Астральная мифология отдельных финно-угорских народов изучалась У. Харвой (финны), Т.П. Девяткиной, Н.Г. Юрченковой (мордва), Е.А. Айбабиной и Л.М Безносиковой (коми), Ю.А. Калиевым и Поповым Н.С. (мари), Л.Е. Кирилловой (удмурты) и др. [\[36; 37; 42; 2; 17; 18; 31; 21\]](#).

Большая обзорная статья В.В. Иванова, посвященная общетеоретическим вопросам астральной мифологии, вышла в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» (1987). Одной из новых работ по теме астральной мифологии является книга Ю.Е. Берёзкина «Рождение звездного неба. Мифология космоса» (2022). В ней автор в частности отмечает, что до сих пор нет обобщающих полноценных работ по астральным мифам тюрок и финно-угров [\[5, с. 17\]](#) (при значительном объеме конкретных данных).

Заслуживают внимания работы последних двух лет, так или иначе касающихся астральных мифологий различных народов Евразии, например статьи С. Гуломшоева, Н.А. Дубовой, М.Г. Никифорова, М.К. Поляковой [\[11\]](#), Р.Х. Шаряфетдинова [\[41\]](#) и др. В 2024 году В.Я. Петрухиным было осуществлено переиздание сборника по сравнительно-систематическому пересказу основных мифов финно-угорских народов [\[29\]](#). Также представляют интерес издания обзорного плана Т. Муравьевой, О. Христофоровой, В.С. Черепенчука [\[25; 38; 39\]](#).

Традиционно астральная мифология для европейцев сводилась в основном к древнегреческим мифам о происхождении различных созвездий (знаках зодиака). Кроме того, еще в Вавилоне получила практика соотнесения планет с богами и днями недель и через античное посредство добралась даже до скандинавов. При этом европейские исследователи, собравшие богатый материал по астральным мифам американских индейцев, крайне плохо были осведомлены о космонимах народов Северной Евразии. Как справедливо указывает Ю.Е. Берёзкин, они и поныне для этих целей пользуются русскоязычными источниками [\[5, с. 17\]](#).

Неудивительно, что, например, финские ученые, как У. Харва, еще в первой половине XX в. начавшие систематизировать материал по астральной мифологии у народов Северной Евразии (прежде всего тюрок и финно-угров) проявили, на наш взгляд, определенную предвзятость. Так, мы никак не можем согласиться с мнением ученого о том, что «познания в астрономии» тюркских кочевых народов были невелики потому, что звезды на небе Северной Евразии не так ярко светят, как на родине семитских народов в Междуречье. От этого у тюркских народов номенклатура названий звезд бедна [\[36, с. 100\]](#). На наш взгляд, более соответствует современному уровню развития науки чрезвычайно плодотворная мысль Ю.Е. Берёзкина о том, что в 12-11 тыс. до н.э., то есть «на рубеже плейстоцена и голоцене Сибирь, по-видимому, являлась мировым центром развития космонимики» [\[5, с. 7-8\]](#). При этом европейская астральная мифология подверглась слишком серьезной трансформации и отражает, по всей видимости, реалии уже не каменного века, а железного (в любом случае не ранее 5-4 тыс. до н.э.), новых производительных технологий. Кроме того, на нее оказало сильное воздействие распространение христианства [\[5, с. 8\]](#).

К сожалению, сопоставлением и более или менее глубоким анализом космонимов у тюркских и финно-угорских народов Урало-Поволжья исследователи занялись относительно недавно. Однако зачастую специалисты вместо выяснения древних названий звезд и созвездий дают переводы на тюркские языки уже существующих международных названий. Так, в статье Г.Р. Абдуллиной и Г.Д. Гайнуллиной в качестве

башкирских астронимов перечисляются созвездия Рыси, Лисы и даже Кита и Жирафа [\[1\]](#).

Практически единственными работами, посвященными астральным представлениям мари, можно назвать статью Ю.А. Калиева [\[18\]](#) и раздел в краеведческом исследовании, выполненном Н.С. Поповым и А.И. Таныгиным [\[31\]](#). Некоторые свои материалы Ю.А. Калиев затем повторил в монографии «Мифы марийского народа» (2019) [\[17\]](#). Ученый верно отметил, что зачастую в качестве собственно марийских, финно-угорских астральных представлений и мифов, в существующих исследованиях воспроизводятся «туркские, мусульманские, христианские и другие заимствованные сюжеты» [\[18, с. 20\]](#). О достаточно слабой изученности марийских космонимов говорит тот факт, что новые материалы по названиям звезд, созвездий и планет обнаруживаются до сих пор [\[19\]](#). По этому поводу краевед В.А. Камилянов справедливо, на наш взгляд, замечает, что, например, астрономические знания предков мари никак нельзя считать пропавшими для потомков или изначально бедными, скучными [\[19\]](#). При этом, к сожалению, какие-то материалы действительно могли быть не зафиксированы или до сих пор не извлечены из архивов этнографических экспедиций.

Говоря о мордовской астральной мифологии, Н.Г. Юрченкова считает, что она в большей степени относится к таким объектам как солнце и луна. Относительно мифологической разработки звезд и созвездий терминология не выделяется богатством и разнообразием. Так, например, кроме солнца и луны мордва знала на небе лишь Млечный путь, Плеяды, созвездия Весов, Большой Медведицы и Лебедя [\[43, с. 120-121\]](#). Сложно согласиться с мнением Н.Г. Юрченковой уже хотя бы потому что исследовательница не упоминает такого важного астрального объекта на «мордовском» небосклоне как Полярная звезда.

Гораздо объективнее, на наш взгляд, в том числе в целом в отношении финно-угорской астральной мифологии, точка зрения Л.Е. Кирилловой. Так, исследовательница отмечает, что «многие удмуртские названия звезд забыты. Не сохранились и легенды, в которых так или иначе объясняется происхождение звездных имен» [\[21, с. 32\]](#). Собственно единственным астральным удмуртским мифом исследовательница считает легенду о девушке на Луне. При этом Л.Е. Кириллова указывает, что собранная ей картотека удмуртских космонимов составила почти полсотни наименований [\[21, с. 32\]](#), хотя последняя часто включает не только оригинальные названия звезд, планет и созвездий, но и их варианты. В целом, сравнивая наименования космонимов у различных финно-угорских народов и их соседей, Л.Е. Кириллова считает, что многие космонимы совпадают, что может быть следствием языковых взаимодействий. Тем не менее даже простое сопоставление названий звезд может помочь реконструировать уцелевшие фрагменты астральной системы [\[21, с. 37-38\]](#). Е.А. Айабина и Л.М. Безносикова, проанализировав около сорока двух названий звезд и созвездий у коми, подчеркнули, что астронимы являются неизученной областью этого этноса [\[2, с. 96\]](#).

Определение и эволюция астральных мифов. Согласно В.В. Иванову, содержанием астральных мифов в узком смысле являются представления и предания о созвездиях, звездах и планетах [\[23, с. 116\]](#).

Как считает исследователь, наиболее ранними астральными мифами следует признать образы звезд, созвездий в виде животных. Г.Р. Абдуллина и Г.Д. Гайнуллина особо отмечают, что у башкир часты астериизмы, связанные с животными и птицами [\[1\]](#). У мари звезды могли называться «медвежьими», «лосинными» [\[24, с. 198; 2, с. 99\]](#). Ю.А. Калиев, со

ссылкой еще на В.М. Васильева, отмечает, что мари помещали на небо самых разных пернатых – лебедей, гусей, бекасов, голубей, ласточек, кукушек [\[18, с. 21\]](#). Что касается сюжетов, то к архаическим мотивам следует отнести те, в которых речь идет об охоте на того или иного зверя [\[24, с. 116\]](#).

Также заметим, как будет видно из дальнейшего, древнейшими мотивами следует признать астральные образы звезд-отверстий и звезд-камней. Особый случай, на наш взгляд, представляют звезды-божества, впрочем, скорее происходящие из прежних зооморфных образов.

С типологической точки зрения астральные мифы посвящены либо несколькими космическим персонажам, олицетворяемым соседними созвездиями, либо одному персонажу. В последнем случае звезды и созвездия могут выступать частями тела некогда единого существа [\[24, с. 116\]](#). Впрочем, данный вопрос выходит за рамки статьи, и мы пока оставим его без рассмотрения.

По мнению В.В. Иванова, видимо опирающегося еще на замечание У. Харвы, для архаических астральных мифологий характерно просто перемещение обычных земных предметов на звездное небо. Так, у ненцев звезды – это «озера» самой нижней из «небесных» земель. У кетов и селькупов звезды – корни растущих на небе деревьев [\[24, с. 116-117\]](#). У западных якутов – наиболее яркие звезды являются огненными озерами, колымские якуты полагают звезды не чем иным как отблесками озер на небе [\[6\]](#). У мари, судя по тому, что термины юмын («небесный») и шудыр («звездный») были взаимозаменяемыми, среди звезд могли помещаться такие объекты как озеро, куст рябины, лестница, качели, огонь, крылья и т.п. [\[18, с. 21-22\]](#).

Позволим себе развить мысль В.В. Иванова. На наш взгляд, более «прогрессивным» явлением следует признать помещение уже живых существ (животных, людей, божеств) на небо и ставших там звездами или созвездиями. Этот мотив стал особенно популярным (или лучше и полнее дошел до нас) в древнегреческой мифологии [\[24, с. 117\]](#). Частными случаями такого сюжета следует признать миф о женах небесного светила (особенно популярный у американских индейцев), а также миф о близнецах, превратившихся в звезды или созвездия. Как считают специалисты, близнечный мотив не обязательно связывать с Кастором и Поллуксом из созвездия Близнецов. Похоже, для народов Северной Евразии Большая и Малая Медведицы выступали такими близнецами, олицетворяя две фратрии первобытного племени [\[24, с. 117\]](#).

По нашему мнению, довольно архаичным представлением (в виду его простой наглядности) является образ звезд в виде отверстий в небесном пологе. Так, северо-западные якуты рассматривали звезды не только как озера, но и как отверстия в небе [\[6\]](#). У мари сохранился миф о подлинном небе, которое просвечивает через прорехи в прозрачном занавесе, висящем на краю мира [\[23, с. 59-60\]](#). Сходное представление, как будет показано ниже, имелось у коми [\[2, с. 96\]](#).

У казахов отмечено предание о том, что звезды представляют собой большие горы (вероятно, макушки гор), сложенные из драгоценных камней. У мордвы сохранилось редкое сравнение звезд с камнями. Согласно мифу, верховный бог Шкай сотворил небо, затем сделал звезды из собранных на земле камней [\[6\]](#).

Наряду с такими объяснениями происхождения звезд у тюрков и финно-угров имелись

другие: например, согласно чувашскому мифу, звезды произошли из осколков одного из двух «лишних солнц» [39, с. 86], прибалтийско-финские народы считали звезды крапинками на мировом яйце [6]. Думается, что чувашский миф (из-за его привязки к солярному культу) мог возникнуть позднее. Финно-угорское представление более архаично, «наглядно» и связано с охотничьим хозяйством.

Специфические, общие и заимствованные представления о звездах у тюрок и финно-угров как о классе объектов. Тюрки, как правило, даже в том случае если представляли звезды животными или иными объектами их сами по себе не обожествляли. Зачастую для них было характерно даже достаточно утилитарное отношение к звездам как к метеорологическим объектам (яркое свечение звезд к холодам) [33, с. 153]. Такое же отношение имелось у таджиков-ягнобцев к «холодной звезде» Сириус [11, с. 67-68]. Впрочем, вряд ли у индоевропейцев связь звезд с холодами принадлежала к числу их исконных мифологем. Эта связь могла возникнуть только в суровых условиях Сибири и Центральной Азии. Впоследствии ее могли заимствовать у тюрок их соседи иранцы. Для более южных и западных районов куда актуальнее была, по-нашему мнению, отсылка к периодам засухи и разлива рек. Также, как указывает А.А. Хазиева, связь звезд с человеческой судьбой первоначально у древних тюрков отсутствовала [35, с. 384]. Имеющиеся башкирские слова йондо□о һүнеү («погасла чья-то звезда»), вероятно, имеют позднее происхождение.

Напротив, у финно-угров звезды как объекты могли обожествляться. Например, у марий имелось специальное божество звезд. Прежде всего, это Шудыр Ава Юмо (Шудыр Шоочын Ава) – «мать-богиня звезд», «рождающая мать звезд». Она, считалось, покровительствует жизням людей. Шудыр Ава при этом являлась второстепенным божеством под началом Шудыр-шамычым пуйршо куго юмо. Последний предопределял судьбу звезд. В момент появления на свет человека Шудыр Ава зажигала на небе новую звезду [25, с. 28-29]. Когда человек умирал, эта звезда падала: «Много было на небе звезд // Одна звезда сегодня опустилась...» [34, с. 139-140]. Как указывает В.А. Акцорин, марии, мордва, карелы связывали с рождением каждого ребенка зажигание на небе особой собственной звезды, которая оказывает покровительство ему всю жизнь. В обычаях марийских девушек было восклицать при падении метеорита: «Моя звезда на месте, на небе!» [3, с. 11-12]. Схожие представления имелись у русских (разумеется, без отсылок к богам звезд и подчеркивания женского начала), где они были, несомненно, древнее веры в то, что звезды являются душами безгрешных младенцев и святых, взирающих на людей [22, с. 89]. По М.А. Кастрену звезды (Tehtti) входили в разряд первой категории божеств после Юмалы, Укко, небесных светил и Большой Медведицы [10].

Согласно В.В. Иванову, в астральной мифологии обнаруживается ряд мифов, которые имели распространение у многих евразийских этносов. Например, к одному такому мифу относится представление о псе, который посажен на цепь, но с цепи пытается сорваться, что чревато гибелю мира. По мнению исследователя, данный мотив является общеиндоевропейским [24, с. 116]. С данным утверждением, конечно, по нашему мнению, невозможно согласиться, поскольку указанный мотив чрезвычайно широко и разнообразно представлен у тюркских народов [36, с. 106].

Как справедливо отмечает У. Харва, мотив звездных веревок, с помощью которых звезды прикрепляются к Полярной звезде, имеет распространение от Норвегии до Индии [36, с. 33]. Киргизы считают три соседних с Полярной звездой и образующих дугу звезды

Малой Медведицы «веревкой». Представлялось, что к ней привязаны «иноходцы» – две большие звезды (белая и голубоватая). Семь звезд Большой Медведицы выступали стражами, охраняющими коней от затаившегося волка. С образом небесных стражей был связан эсхатологический миф о том, что если волк задерет этих животных, то наступит конец света. Некоторые полагают, что и Большая Медведица прикреплена веревкой к Полярной звезде. В случае если этот кол вынут, то звезды придут в состояние хаоса, и мир погибнет. Минусинские татары верили, что если «семь собак» Большой Медведицы сорвутся с цепей, то наступит вселенская катастрофа. У. Харва указывает, что у славян имеется схожее представление, но одной собакой представляется Малая Медведица. Как только собака сбросит цепи, которые еедерживают, мир исчезнет [\[36, с. 106\]](#).

Праформа для обозначения понятия «звезда». Довольно значимым моментом представляются обозначения для понятия «звезда» в тюркских и финно-угорских языках.

В тюркских языках общее название для звезд стандартно и происходит от праформы *jul-dur: ср. баш. йондоз, тат. юлдыз, тур. йылдыз, хакас. чилтыс, якут. сулус, долг. хулус, балк. жулдыз и т.п. В свою очередь тюркская праформа восходит к алтайской праформе со значением «горящий» и имеет параллели не только в монгольских языках, но и в корейском, японском, а также, предположительно, в финно-угорских языках (прибалтийско-финских и мордовском) [\[7\]](#).

В финно-угорских языках имеется два слова со значением «звезда» и оба они восходят к общему праформе. Первое слово (от праформы *kuns'a) представлено в языках коми, удмуртов, хантов, манси, венгров, а также селькупов [\[8\]](#). Так, Л.Е. Кириллова отмечает, что в удмуртском языке используются слова кизили («звезда») и кизилисюрос («созвездие», т.е. «скопление звезд») [\[21, с. 32\]](#). Второе слово встречается в финском, эстонском, саамском, мордовском и марийском (фин. тяхти «звезда») языках. Правда, в марийском слово тиште ныне означает «знак», «метку». Схожее значение, помимо основного, имеется и у саамского daste (« пятнышко на голове животного») [\[9, с. 520\]](#). Особняком стоит марийское слово шудыр для обозначения понятия собственно звезды. Обычно его считают заимствованием из чувашского салдар (являющегося соответственно татарского юлдыз). Однако, по мнению В.В. Вершинина, данная этимология неубедительна по фонетическим соображениям. По мнению лингвиста, основа -шуд может быть связана с глаголом шуктеш («тлеет, горит» < праур. *saje «гнить»). Кроме того, если поддержать этимологию Д.Е. Казанцева, сходными с марийским шудыр и слова в индоевропейских языках (ср. персид. sitara «звезда») [\[9, с. 690, 692\]](#). Что касается слова шудыр в значении «веретено; ось; стебель», то оно, по мнению В.В. Вершинина, либо восходит к финно-волжскому праязыку (как индоевропейское заимствование) либо является изобразительным (ср. венг. sodorni, эст. ketrata «прясть») [\[9, с. 692\]](#).

Таким образом, в тюркских языках понятие «звезда» обозначается одним словом, а в финно-угорских по меньшей мере двумя. На наш взгляд, это объясняется тем, что тюркскотоводы, создатели могучих империй древности и средневековья (турецких каганатов) издревле были более консолидированы, чем преимущественно охотники финно-угры.

Отражение астральных мотивов в именнике. Редкие и необычные имена, лексические варианты и образные выражения, связанные со звездами как о классе объектов. Названия звезд нашли свое отражение в именнике тюркских народов. Так, у башкир, как отмечают исследователи С.Р. Каранаева и Г.Р. Абдуллина, встречаются имена вроде Таңсулпан («утренняя звезда»), Зухра («блеск, свет, звезда»),

а также популярно имя Сулпан – которым нарекали и мальчиков, и девочек. В башкирской мифологии происхождение имени Зәһрә связывают с именем девушки-сироты по имени Зухра, которую луна забрала от мачехи к себе и превратила в звезду. На основе этих имен возникли новые имена – Гөлзәһрә (Гульзухра), Зәүрә (Заура), Ақсулпан (Аксулпан). Имя Йондоң (Юндуз) на башкирском значит «звезда» и выражает стремление родителей, чтобы дочь сияла, как звездочка [\[20, с. 88\]](#).

С.Р. Каранаева и Г.Р. Абдуллина также приводят тюркское мужское имя Тимерказык «Тимерказык», хотя и не совсем верно трактуют его перевод: «(дословно – тимер (железо) – абы – «ковщик»)», поскольку, как уже упоминалось выше, перевод второго части данного имени связан с общетюркским «кол», «шест», в то время как ковщик переводится в частности на башкирский и татарский языки как «кашык». Имя Тимерказык, по их мнению, также имеет башкирские корни и, безусловно, означает название Полярной звезды [\[20, с. 88\]](#).

У марий было зафиксировано имя Ахтар, через татарское посредство восходящее к персидскому слову, означающему «звезда» [\[40, с. 53\]](#). Также зафиксированы женские имена Кизелет (Кизилат, Кизилет), Кизылви источником которых является удмуртское кизили «звезда» [\[40, с. 215, 216\]](#). Представляет интерес еще одно марийское женское имя Чилека, которое С.Я. Черных сравнивает с саам. чиллк «светлый» и венг. csillag «звезда» [\[40, с. 229\]](#).

Помимо прямого названия звезд звездами, видимо в силу каких-то табу, часто использовались нарицательные имена. Например, по заключению Л.Е. Кирилловой, названия удмуртских звезд могли даваться по их расположению, времени появления на небе; количеству звезд в созвездии; относительной величины объекта; характерному признаку объекта; ассоциации с какой-либо птицей, животным, бытовым предметом [\[21, с. 33-35\]](#). При этом одни космонимы могли иметь один вариант названия, а другие – сразу несколько [\[21, с. 35\]](#). Иногда звезды, как уже отмечалось выше, назывались иносказательно. С «отверстиями», «озерами», «камнями» сравнивались звезды у тюрок якутов, а также у финно-угров марий, мордвы. У башкир «звездой» назывались пятна на теле животных: йондоң кашка («лошадь с белой отметиной в форме звезды») [\[35, с. 384\]](#). В загадках коми звезды – это овцы, дыры в одеяле [\[2, с. 96\]](#).

Таким образом, для тюрок и финно-угров было характерно отражение астральной мифологии в именнике, а также в числе лексических вариантов и выражений. При этом, похоже, что у финно-угров (на примере марий) патриархальные мотивы выражены определеннее, поскольку все имена, связанные со звездами – женские.

Далее мы отдельно разберем два ключевых космонима в представлениях тюрок и финно-угров – Млечный Путь и Полярную звезду, преимущественно в плане специфических, общих и заимствованных представлений.

Млечный Путь. Млечный Путь является самым значимым астральным объектом, поскольку представляет собой часть нашей Галактики. Своей яркостью и величиной он затмевает все созвездия и, конечно, привлекал внимание людей с глубокой древности.

Как отмечает У. Харва, в тюркских языках он носит обычно название Дороги птиц или Пути диких гусей (Кош/каз юлы – у башкир, Киек каз юлы – у татар Поволжья, Кайак хор сулее – у чувашей). У финнов – Птичьего пути, у саамов – Птичьей лестницы [\[36, с. 111-](#)

[\[12; 6\]](#). При этом у казахов Млечный Путь может называться Сабан Холы («мякинной дорогой»), потому что якобы птицы при перелете устилают свою дорогу мякиной. У киргизов зафиксировано также название Зымран күштик жул («дорога птицы Симург») [\[6\]](#).

Раскрывая мифологический смысл данного астеризма, современный исследователь В.Я. Петрухин указывает, что для финно-угорских народов Млечный путь, как дорога, по которой действительно каждую весну перелетные птицы устремлялись к берегам Ледовитого океана, соединял страну мрака на Севере и страну тепла на Юге. При этом для финнов (Линнуунрата), эстонцев (Линунтее) и мордвы-мокши (Нармонь ки) было характерно простое наименование без конкретизирующего сочетания, обозначающего дикого гуся или другую птицу. Иное – для части эстонцев, мари, коми-зырян, мордвы-эрзи, удмуртов: Kuretee, Кайык комбо корно, Дзо-дзог туй, Вирь мацеенъ ки, Луд зазег сюрес («гусиный путь» или «дорога диких гусей») [\[28, с. 8; 29, с. 9-10\]](#). Также мордве было известно наименование Млечного пути как Каргонь ки («дорога журавлей») [\[43, с. 120-121\]](#).

Л.Е. Кириллова отмечает, что название Млечного пути во многих финно-угорских и тюркских языках переводится понятием «путь птиц (гусей, журавлей)», например: эст. Linnutee («путь птиц»), тат. Киек каз юлы («путь диких гусей»); чув. Хуркайнак суле («диких гусей путь»). коми Утка туй, Дзодзог туй, Кай туй, Тури туй (дорога уток, гусей, птиц, журавлей) [\[6\]](#). Тоже самое у русских – Птичий путь и т.д. По мнению исследовательницы, возможно, многие из этих рассмотренных названий возникли самостоятельно в разных языках. Впрочем, совпадение в значении некоторых космонимов могло образоваться и в результате языковых взаимодействий [\[21, с. 37-38\]](#). Так, на наш взгляд, стоит обратить вниманием на популярность журавлей как звездного образа у мордвы, коми и башкир.

Ю.Е. Берёзкин связывает мотив птичьего пути в основном с представителями финно-угорских языков, поскольку, хотя он и знаком чувашам, башкирам, татарам, ногайцам, казахам, киргизам, туркменам и кипчакам (последним по данным XIV в.) совершенно отсутствует у тюрок в Восточном Туркестане и на юге Сибири. Далее «птичий путь» неожиданно всплывает у эвенков и индейцев Северной Америки. Таким образом, исследователь считает, что «дорога птиц» является архаическим североевразийским космонимом, возникшим еще до выделения известных языковых семей, сравнительно поздно занесенным в Америку [\[5, с. 121-123\]](#). Здесь Ю.Е. Берёзкин в общем-то подтверждает еще выводы В.В. Напольских (1991), а также В.Я. Петрухина и Е.А. Хелимского (1988), согласно которым представление о Млечном Пути как «дороге перелетных водоплавающих птиц» отмечено кроме финно-угров у тех народов, которые имели с ними тесное соприкосновение [\[26, с. 74\]](#).

Как отмечают Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова, у коми записано несколько обозначений для Млечного Пути: «путь птиц (уток, гусей)» (коми-пермяцкое Кай туй; коми Чож туй; коми-пермяцкое Дзодзог туй), «лыжный след», «небесный шов», «река», «путь похитителя соломы» и др. [\[2, с. 98\]](#). Исходя из вышеприведенного анализа номенклатуры названий Млечного Пути, мы можем утверждать, что исследователи правы, когда утверждают, что первое наименование является общим для финно-угорских народов [\[2, с. 98\]](#). При этом у коми зафиксировано развернутое определение Млечного Пути, которое, на наш взгляд, скорее отражает уже не просто образ, но является отголоском древнего мифа: Саридзо лэбзян туй («дорога, по которой птицы летят в

теплые края» [\[2, с. 98\]](#). Г.Е. Верещагин записал такое удмуртское поверье о Млечном Пути: «Если бы не было этой дороги, то дикие гуси при перелете с запада на север и с севера на запад могли бы заблудиться и оттого перевелись бы все» [\[21, с. 32\]](#).

Однако Ю.Е. Берёзкин никак не объясняет причину того, что у части финно-угров, а также тюрок Урало-Поволжья, космоним Млечного Пути включает в себя уточняющие наименования. Правда, уточняющие наименования имеются у части эстонцев и у манси (манс. Потлёнг, «диких уток путь»), но основные варианты все же другие, с обозначением просто «птичьего пути» или «пути перелетных птиц» [\[6\]](#). Возьмем на себя смелость высказать предположение, что, возможно, источник данного космизма находился в районе Урало-Поволжья. Отсюда его конкретизация. Эту гипотезу подтверждает то обстоятельство, что у башкир и мари имеются сходные мифы об образовании Млечного Пути: когда-то случился катаклизм, и птицы решили оставлять в небе свои перья, чтобы их более слабые собратья могли добраться до южных стран. Тем не менее имеются различия в ряде важных деталей. Например, в начале башкирского мифа утверждается, что раньше не было ни звезд, ни Млечного Пути. Катаклизмом называется сильная буря. Птицами, оставляющими перья, выступают журавли [\[4, с. 9\]](#). В марийском мифе акцент сделан на наступление в древности сильного холода и тьмы. Только после этого гуси начали свой полет «в теплые края, в сторону полудня» [\[23, с. 55-56\]](#). Еще один вариант мифа о возникновении Млечного Пути сохранился у восточных мари. В нем вместо гусей действуют утки, а холод приобретает антропоморфные черты божества Йушто кугыза [\[32, с. 41-42\]](#). Прибалтийско-финские мифы о «гусином пути», прежде всего финский и эстонский, сохраняют идею о перелетных птицах [\[6\]](#). Однако они, на наш взгляд, осложнены подробностями, по всей видимости, имеющими заимствованный или местный характер. Это особенно видно на примере среднеазиатских вариантов, где идея перелета птиц именно на юг (у казахов, киргизов) выражена достаточно схематично, а иногда даже заменяется «перелетом в Мекку» [\[6\]](#). Также в этой связи характерны удмуртские названия Млечного Пути: Зазегптыты («гусиный след»), Лудзазегкошконсюрес («дорога отлета диких гусей») [\[21, с. 35\]](#). Судя по марийскому варианту мифа о возникновении Млечного пути, на астральную мифологию финно-угров могли оказать какие-то местные палеосибирские представления, связанные с суровыми условиями ледникового периода и долгих полярных ночей.

У. Харва отмечает, что Млечный Путь на северо-востоке Сибири отождествлялся с текущей по небу рекой [\[36, с. 112\]](#). По материалам Ю.Е. Берёзкина, представление о нашей Галактике как о «реке», «небесной воде», «гигантской змее», «дороге душ» было в первую очередь характерно для индотихоокеанского региона. Ученый считает мифологемы «реки-змеи» и «дороги душ» в отношении Млечного Пути древнейшими, которые впоследствии, в эпоху ледникового периода, были заслонены в Северной Евразии другими представлениями: о «пути перелетных птиц», «лыжным следом» [\[5, с. 39\]](#). Кроме того, по мысли ученого, сравнение Млечного Пути с « позвоночником неба», «мировым столпом», «швом» (возможное ответвление мифологемы « позвоночника неба») также следует признать древним, лучше всего сохранившимся у народов крайнего севера Евразии (Таймыр) и индейцев Северной Америки [\[5, с. 110-111\]](#). Что касается сравнения Млечного Пути с трещиной в небе и швом, то она особенно часто встречается в районе Алтая. Вероятнее всего, на наш взгляд, он и был источником данного мотива.

Еще одна мифологема – Млечный Путь как «дорога душ», отмеченная у многих народов Евразии, но часто основная у индейцев Америки. Характерно, что у русских и у чувашей имеется образ радуги как «дороги душ» [\[5, с. 36\]](#). Согласно О. Христофоровой, у алтайцев Млечный Путь на шаманских бубнах изображался в виде радуги («точеч-звезд») [\[38, с. 81\]](#) Ю.Е. Берёзкин высказывает гипотезу о том, что мотив «дороги птиц» мог произойти из мотива «дороги душ» для финно-угров, балтов, отчасти славян и тюрок [\[5, с. 39\]](#).

Мы решимся предположить, что изначальная мифологема «дороги душ» могла развиться (или существовать одновременно) в мифологемы «звездной реки», а также «радуги-змеи» («змея» могла выступать в связке со стихией воды). Так, у води и мари были зафиксированы параллельные мифы о девушки у колодца, которую засосала на луну радуга [\[5, с. 128-129\]](#). Хотя они и имеют отношение в основном к лунарной мифологии, тем не менее, на наш взгляд, нельзя исключать сохранения у тюрок и финно-угров древнего представления о прежнем сравнении Млечного Пути с «радугой-змеей» и «дорогой душ (духов)». Подобное предположение подтверждает то, что, например, представление о Млечном Пути как о небесной, божьей реке (Юмын Энер, Йомшо), связанной с культом духов-йомшо было зафиксировано у мари. Представление о небесной реке, согласно материалам В.Я. Владыкина, имелось также у удмуртов [\[17, с. 387\]](#).

У венгров космоним Млечный Путь может носить название Hadak Utja «путь войск». Он связывается с преданием о принце по имени Чаба, сыне Атиллы. Якобы его отряды через весь небосвод явились на помощь секеям в Трансильвании, которые терпели поражение в битве с врагами. Они обратили супостатов в бегство, а потом по тому же пути вернулись назад. То есть Млечный Путь сложился из следов подков коней войска Чабы [\[2, с. 98\]](#). Кроме того венграм были известны обозначения Млечного Пути, некоторые из которых содержали в основе общее для финно-угров понятие пути: «серебряная дорога», «путь душ», «ночная радуга», «расщелина зари», «борозда Истена (Бога)», «белый ров», «холст красавицы». Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова при этом проводят интересную параллель с коми языком и фольклором. Так, в коми народной поэзии холст, полотно обозначали мост, дорогу, реку, отделяющую и соединяющую разные области и уровни мироздания, а в загадках прямо Млечный Путь [\[2, с. 98\]](#).

Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова оставили без объяснения венгерские наименования Млечного Пути, которые связываются в первую очередь с идеей «пути душ» и «зарей-радугой» [\[2, с. 98\]](#). Между тем они представляют несомненный интерес хотя бы в силу своего семантического разнообразия. Очевидно, что к венгерским данным имеет уже выше отмеченная нами русская и чувашская мифологема радуги как «дороги душ». Сюда же следует отнести водский и марийский миф о девушке у колодца, которую засосала на луну радуга.

Таким образом, наше предположение о том, что у тюрок и финно-угров сохранилось древнее отождествление Млечного Пути с «радугой-змеей» и «дорогой душ (духов)» получает дополнительное подтверждение.

Еще одна группа венгерских обозначений Млечного Пути как «белого рва», «холста красавицы» может иметь отношение к представлению о небесном занавесе, через который проглядывают нестоящие небеса (звезды), а также к мифу о небесной (звездной) деве. Можно отметить венгерские, коми и марийские параллели в образе «звездного полотна» таким образом необязательно сводимого в образу «моста, дороги, реки». Согласно Н.С. Попову и А.И. Таныгину, Млечный путь как «дорога птиц» (точнее

даже как «дорога серой утки», летящей из скопления Плеяд), мог еще сравниваться с платком богини рождения (звезд) Шочын Авы [\[31, с. 18\]](#).

Миф о небесной (звездной) охоте был известен тюркам. Так, Н.В. Лукина пересказывает миф чулымских тюрков, согласно которому, семеро охотников догоняли лося; первый – ясновидящий, сзади – трое помощников, прочие трое несли продукты; ударили мороз, они застыли и возник Млечный Путь [\[6\]](#). Наиболее богата мифологема «лыжного следа», как и следовало предположить, у якутов. Так, у последних Млечный Путь – айыны уолун хайыхарын суола – «лыжня, проложенная сыном айыны», «след, оставленный сыном бога, когда тот проходил по небу на лыжах»; «лыжня богатыря Халлан уола (он проложил его, когда преследовал хорошеных женщин и девушек). Наиболее классическим сибирским вариантов здесь выступает якутский астральный миф, согласно которому, Млечный Путь образовался потому, что сын неба Халлаан уола настигал на лыжах оленя и оставил дорогу (след) на небе [\[6\]](#).

Мифологема «лыжного следа» имеется не только у обских угров, но и финнов. Сохранился финский и карельский миф о том, как охотник, упустив добычу, превратился в Полярную звезду, а его лыжня в Млечный Путь [\[28, с. 68\]](#). Миф о «лыжном следе» для Млечного Пути есть у коми (Лямпа туй – след от лыж охотника, гонявшегося за оленем). Ю.Е. Берёзкин отмечает, что сравнение Млечного Пути у русских с «лыжным следом» имеет единичный характер без указания места записи, что свидетельствует в целом сибирском (прауральском?) происхождении данного мифа [\[6\]](#).

К охотничьему обско-угорскому мифу об охоте на шестиногого лося сына небесного бога Нуими-Торума восходят, по мнению У. Харвы, уже рассмотренные выше якутские представления о том, что Млечный Путь является следами ступней Бога. Якобы он оставил их на небе, когда ходил по нему, созиная мир. Иногда якуты называют Млечный Путь «Лыжней сына Бога» [\[36, с. 112\]](#). По мансийскому мифу, Нуими-Торум, сделав землю, отправил на нее шестиногого лося. Простой охотник не смог догнать его. Тогда он обратился к «лешему», сыну Нуими-Торума. Тот кое-как настиг зверя, отрубив ему «лишние» ноги. В результате лось стал Большой Медведицей, у которой можно заметить голову, два глаза, передние, задние и две отрубленные ноги. Млечный Путь – это лыжня сына Нуими-Торума, а Плеяды – его жилище [\[36, с. 112\]](#).

Данный мотив, возможно, присутствовал у мари, если принять во внимание существование у последних духа Кава умбал коштшо (букв. «по небу ходящий»). Этот дух был подчинен, в том числе, мужским божествам-мужу Кугыену и Йомшо, а также женскому водному божеству Вичыудыр («дева реки Вятки») [\[17, с. 386\]](#).

Мифологема Млечного Пути – «упавшего дерева» зафиксирована в основном у прибалтийско-финских народов. По Ю.Е. Берёзкину возможно говорить о существовании связи Млечного Пути с деревом (лесом) у хантов и манси [\[6\]](#). В этой связи, на наш взгляд, стоит обратить внимание на сравнение звезд с корнями деревьев у кетов и селькупов [\[24, с. 116-117\]](#). В целом, хотя данная мифологема редка, ее можно считать вариантом мифологемы «небесного позвоночника» или «небесного столпа».

Собственно сравнение Млечного Пути с молочным следом, так популярное в Европе, среди урало-алтайцев фиксируется только у чувашей и киргизов – Ак Майанынг сюйди (кирг. «молоко белой верблюдицы»). Причем, у чувашей данный астроним, скорее, реконструируется В.Г. Родионовым из обычной для тюрков мифологемы молочного

небесного озера [\[6\]](#).

Якуты называют Млечный Путь – Небесным швом [\[36, с. 111-112\]](#). Возможно, что данная мифологема как-то связана с мифологемой «небесного (звездного) следа», либо выражает простую идею о том, что небо представляет собой сшитые шкуры, образующие крышу жилища. В последнем случае образ можно признать достаточно древним, восходящим к тем временам, когда первобытный человек уподоблял весь окружающий мир своему жилищу и тому, что в нем или рядом находится.

По мнению Ю.Е. Берёзкина, образы Млечного пути как «небесного шва», «трещины в небе» при желании можно вывести из известной у ненцев, ноганасан и североамериканских индейцев мифологемы «позвоночника неба». При этом обозначения Млечного Пути как «небесного шва» характерны для монгольских народов, якутов, а среди тюркских народов зафиксировано у тувинцев, ногайцев и анатолийских турок. Ученый считает, что данный мотив мог быть достаточно давно заимствован тюрками у монголов [\[5, с. 112-113\]](#). На наш взгляд, учитывая наличие мифологемы на таком большом пространстве тюркского мира, направление заимствования, по крайней мере в рамках алтайского ареала, могло быть и обратным.

Сравнение Млечного Пути со снегом, инеем, холодом характерно для китайцев, тюрков (хакасов, алтайцев, шорцев), а также потомков майя (цоциль) в Мезоамерике. Зафиксировано оно и у приморских саамов (где носит, скорее, ситуативный и случайный характер). Согласно хакасскому мифу, записанному В.Я. Бутанаевым, Ак-Кудай заявил, что для Эрлика не будет места на земле, но изъявил согласие оставить ему кусочек земли, на который можно водрузить посох. Эрлик проткнул посохом землю и спустился вниз. Спускаясь, он ободрал себе бока. Кровь Эрлика брызнула на небо и там превратилась в Млечный Путь – Хыро чолы (Дорога инея). С тех пор говорят, что осенью с Млечного Пути валится иней и замораживает землю [\[6\]](#).

Таким образом, судя по наиболее полному мифу (в подробном китайском мифе мифологема снега не кажется сильно мотивированной), источником сравнения Млечного Пути с инеем, снегом является тюркская астральная мифология.

Мифологема «похитителя соломы» (просто «рассыпанной соломы») в отношении Млечного Пути встречается у древних египтян, вообще популярна в Северной Африке, у народов Западной Европы, Передней Азии. Среди тюрков данная мифологема встречается у узбеков, казахов, татар и, вероятно, обязана заимствованием из регионов Средиземноморья и Ближнего Востока. Характерно, что у венгров образ похищенной цыганами соломы вытеснил прежний образ Млечного Пути «как дороги птиц» [\[6\]](#).

Полярная звезда. Полярная звезда расположена вблизи северного полюса и является самой яркой звездой созвездия Малой Медведицы.

Как справедливо отмечает У. Харва, первобытные люди давно обратили внимание на вращение звездного неба вокруг неподвижной Полярной звезды. В Лапландии финны называли Полярную звезду Звездой-пупом Севера. У алтайцев представление о Пупе неба, по мнению ученого, сформировалось раньше представления о Пупе земли [\[36, с. 31\]](#). Скандинавы называли Полярную звезду Вералдарнагли «гвоздем мира» [\[36, с. 31-32\]](#). Саамы – Вааральден чуолд. По мнению У. Харвы, это название они позаимствовали у скандинавов [\[37, с. 31\]](#). Подобные сравнения Полярной звезды с гвоздем были и у славян.

В древнетюркской лексике, а соответственно и в современном словнике тюрksких народов название Полярной звезды четко увязано с шестом, колом (казық). Это такие варианты как Алтын казық («Золотой шест/кол»), Тимер казық («Железный шест/кол») и т.д. Казахский исследователь Х.-М.Ш. Илиуф перечисляет в своей работе следующие названия: казах. Temir qazıq, астрахан. тат. Temir qazıq, карачаево-балкарск. Temir qazaq/Temir qazıq, кирг. Temir qazıq jıldızı, баш. Timir qadıq yondodo, туркм. Demir gaziq yıldızı (букв. «звезда Железный кол»), тат. Qazıq yuldız («Кол-звезда», чувашск. Timer chalsa («Железный кол») 615, с. 222]. Башкирские исследователи Г.Р. Абдуллина и Г.Д. Гайнуллина также отмечают, что у карабанских уйгуров Полярная звезда – Темур казық, у турков – Демир казук/Демир-казық, у туркменов – Демир газық и т.д. [\[1\]](#).

О древности и исконности мифологемы Полярной звезды – «шеста/кола» для тюрок, на наш взгляд, говорит этиологический и одновременно космогонический древнетюркский миф о возникновении Полярной звезды, приводимый Х.-М.Ш Илиуфом. Когда-то царил страшный хаос из-за того, что небо и земля находились слишком близко друг от друга. Тогда разгневался великий бог неба Тенгри. Он вбил в сердцевину мироздания свой золотой посох, отделив землю от неба. До сих пор сверкающий конец посоха можно увидеть в ночном небе – это Алтын казық («Золотой кол»). Прочие звезды кружат вокруг Алтын казыка, тем самым выражая покорность власти Тенгри [\[16, с. 224\]](#).

Л.Е. Кириллова отмечает достаточно многочисленную номенклатуру названий Полярной звезды у удмуртов: Инкизили («небесная звезда»); Йырыйл кизили («звезда над головой»); Уйкизили («северная звезда»), Кобыкизили («звезда – ковш») [\[21, с. 35\]](#). Как видно, большинство из них является описательным и обычным для неба Северной Евразии. Судя по названию, башкирским заимствованием является у удмуртов обозначение Зедыганкизили («семь звезд» – зедыган < баш. етеген «семь») [\[21, с. 35\]](#).

Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова, говоря о названиях Полярной звезды в коми и удмуртских языках, сравнивают преимущественно пермские и финские материалы. Так, у коми, как и удмуртов, Полярная звезда может определяться как «звезда находящаяся над головой» (Юрвыы кодзуу). У удмуртов, финнов, мордовы-эрзя, саамов Полярная звезда может называться северной или светлой звездой (удм. Уй кизили, Уйшор кизили; фин. Pohjantahti; морд.-эрз. Валго теште, Пелевень теште; саам. Чуввесъ тассът) [\[2, с. 99\]](#). Характерно, что Инкизили, удмуртское название Полярной звезды («небесная звезда»), соответствует марийскому Кава шудыр. Среди многочисленных названий Полярной звезды в венгерском языке учеными отмечается следующее – «пуп неба» [\[2, с. 99\]](#), который, напомним, согласно У. Харве, у алтайцев древнее, чем «пуп земли».

Возможно, что сравнение Полярной звезды с гвоздем это довольно поздняя мифологема, сложившаяся уже в эпоху развития кузнецкого ремесла. Эстонское представление о Полярной звезде, на наш взгляд, объединяет в себе североевразийские и скандинавские представления. Так, эстонцы считали, что Полярная звезда это гвоздь, на котором вращается небесный котел. Сама Полярная звезда называется Пыхьянаел («Гвоздь Севера») [\[36, с. 31\]](#). Соответственно выпадение гвоздя (у саамов) означало гибель мира [\[36, с. 31\]](#). Иногда Полярная звезда называлась просто Севером, Вершиной мира (например, у финнов, саамов) [\[36, с. 32\]](#).

У. Харва полагает, что мифологема гвоздя подтолкнула людей к мысли о необходимости чего-то более крепкого и долговечного как опоры. Так, якобы, родилась идея мирового столпа [\[36, с. 32\]](#). На наш взгляд, идея мирового столпа является более архаической и,

несомненно, предшествовала идея небесного гвоздя. Тот же У. Харва отмечает, что представление о Мировом столпе в начале XX века было известно только глубоким старикам финнам в выражении, что они живут, «чтобы быть Мировым столпом» (Маайльманпатсас, ср. эст. Ильмасамба) [\[37, с. 134\]](#).

Как сообщает У. Харва, саамы верили, что Боахъе-Насте («Гвоздь Севера») крепит небо, а когда в последний день лучник (звезда Арктур) собьет ее стрелой, оно рухнет и мир сгорит в огне мирового пожара [\[37, с. 31\]](#).

Золотым столпом Полярную звезду именовали алтайцы и уйгуры. Железным колом – киргизы, башкиры, сибирские татары [\[36, с. 32\]](#). Судя по тому, что образ «золотого столба» больше распространен в регионе Алтая, его можно признать древнейшим, изначальным. Тем более что первоначально, по нашему мнению, речь могла идти о бронзе, меди, олове, других мягких металлах, либо имела место поэтическая метафора, отождествление Полярное звезды с неким истинным светом, огнем, зарей и т.п. Например, у мари Кава менге («небесный столб») мог также называться огненным, железным, серебряным, золотым и даже медным [\[17, с. 61-62\]](#).

У. Харва полагает, что представления о мировом столпе (деревянном, каменном) у обских угров могло возникнуть под влиянием соседних тюркских народов [\[36, с. 33; 37, с. 194\]](#). На наш взгляд, возможно, что мифологема четырехугольного каменного столба из прозрачного камня посреди железного поля (у хантов) выражает стойкость первобытного представления о более основательной природе камня как материала для строительства и орудий труда.

Североевразийские представления о небесном столпе, возможно, оказали влияние на верования древних саксов, которые еще в VI в. поклонялись Ирминсулю («Большому столбу»), которое «поддерживало все». [\[36, с. 32\]](#).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что представления о Полярной звезде у прибалтийских финно-угров, в отличие от образа Млечного пути, достаточно сложные и многообразные, являющиеся сплавом как древних азиатских, так и более поздних европейских мифов.

Для тюрков, как для специализированных скотоводов, было характерно представление о Полярной звезде как о коновязи. Якуты называли Полярную звезду «Господином столбом» [\[36, с. 33\]](#). Сибирские татары полагали, что боги живут на небе в юртах и, подобно людям, привязывают своих коней к золотой коновязи – Небесному столпу [\[36, с. 33\]](#). По мнению К. Карьялайнена, обские угры заимствовали у тюркскихnomadov представление о Железном столбе, к которому привязывались ездовые животные [\[36, с. 33\]](#).

Как уже указывалось выше, у мари основу вертикального строения мироздания представляет Шудыр, Полярная звезда, которая также отождествляется с мировым, небесным столбом (Кава менге), находящимся на вершине высокой горы или дерева. Вокруг этого столба врачаются созвездия Лося, небесного лебедя и небесного барана [\[18, с. 20\]](#). Иногда название Полярной звезды у мари уточняется: Кава шудыр («Небесная звезда»), Маска шудыр (Медвежья звезда) [\[12, с. 198\]](#). Е.А. Айбабина и Л.М. Безносикова отмечают марийское Шор шудыр («лосинная звезда») [\[2, с. 99\]](#).

Как уже отмечалось выше, особенностью марийских названий звезд является то, что в языке мари слово шудыр («звезда») одновременно обозначает собственно «звезда» и «веретено; стержень». При этом последний термин также многозначен, выражая идею вращения вокруг оси и также связывания уровней пространства.

Особенностью марийских и мордовских наименований Полярной звезды является то, что они могут прямо соотносится с птицей, сидящей на вершине мирового столба или даже звездной богиней вроде Юмынудыр у марии и Анге-Патяй у мордвы (у мордвы сюжет реконструируется). Например, в марийской песне значимость весеннего языческого праздника Сюрема сравнивается со значимостью Полярной звезды, выступающей символом Юмынудыр [27, с. 59]. Как отмечает Г.Е. Шкалина, Кава ме[□]ге (Небесный столп) у марии означал Полярную звезду. Последняя называлась Шудыр (веретено/звезда) на которой (на золотом, медном или серебряном столбе) восседает Юмынудыр и прячет свою звездную нить [42, с. 73]. Кроме того, как указывает С.В. Пивкина, четыре звезды созвездия Большая Медведица соотносились с богиней рождения Анге-Патяй [30, с. 92]. Позволим себе высказать предположение, что, по аналогии с Юмынудыр, вероятно, в прошлом Полярная звезда могла также отождествляться с мордовской богиней.

С чем может быть связана последняя специфика представлений о Полярной звезде у финно-угров? Говоря об эволюции астральных представлений, мы выше уже указывали, что особый случай представляют звезды-божества. Нет ничего удивительного в том, что марийская, возможно, мордовская и венгерская звездные богини стали результатом развития прежних зооморфных, точнее даже орнитоподобных, образов птиц-totемов, птиц – олицетворений душ.

Таблица 1. Сравнительная таблица основных общих и специфических астронимов у тюрок и финно-угров

Основные астральные мотивы	Тюрки/этносы/другие этносы	Финно-угры/этносы
«Звезды-отверстия»	Якуты	Мари, коми
«Звезды-камни»	Казахи	Мордва
Млечный Путь – «иней, снег»	Хакасы, алтайцы, шорцы Не тюрки: китайцы, потомки майя (цоциль)	Приморские саамы (образ ситуативный, возможно случайный)
Млечный Путь – «дорога птиц»	Башкиры, татары, чуваши, казахи, киргизы, ногайцы, туркмены, кипчаки (XIV в.) Не тюрки: эвенки, индейцы Сев. Америки	Обские угры, удмурты, мари, мордва, коми, саамы, финны, эстонцы, венгры (редкий вариант) Не финно-угры (индоевропейцы): русские
Млечный Путь – «дорога гусей (журавлей, уток)»	Башкиры, татары, чуваши	Часто эстонцев, марии, коми-зыряне, мордва-эрзя, удмурты, обские угры (манси)
Полярная звезда – «Золотой/Железный кол и «коновязь»	Казахи, астраханские татары, балкарцы, киргизы,	Обские угры (результат карачаево-заимствования у тюрков)

	башкиры, татары, чуваши, уйгуры, туркмены, Поволжья, караханидские турки.	
Полярная звезда «мировой столб» «гвоздь» (только прибалтийско-финских финно-угров)	-Якуты, алтайцы и уйгуры, икиргизы, усибирские татары, татары Поволжья. Не тюрки: (саксы)	Обские угры, мари, башкиры, саамы, финны, эстонцы
Полярная звезда «мировой столб (птица на вершине столба)», «богиня»	--	Мари, мордва, венгры (?) сюжет реконструируется)

Заключение. Таким образом, рассмотрев мифы тюрков и финно-угров в отношении звезд в целом и конкретно таких значимых космонимов как Млечный Путь и Полярная звезда, мы можем сделать следующие выводы.

Мы не можем согласиться с мнением У. Харвы о «бедности» номенклатуры названий звезд у тюркских народов. Нам ближе точка зрения Ю.Е. Берёзкина о том, что Сибирь, где сформировались урало-алтайские народы, в 12-11 тыс. до н.э. была мировым центром развития космонимии. Мы также поддерживаем мнение многих современных исследователей проблемы о том, что астральная мифология тюрков и финно-угров, несмотря на накопленный материал, является в целом малоизученной.

Опираясь на мнение ученых о том, что эволюция астральных представлений начиналась с простого помещения земных объектов на звездное небо, нами было выдвинуто предположение о том, что дальнейшее развитие астральной мифологии заключалось в вознесении уже живых существ на небо, которые становились там звездами и созвездиями. При этом из-за своей простоты и наглядности наиболее архаичными мифологемами о звездах у тюрков и финно-угров стали представление их в качестве «отверстий в небе» или камней (якутов, казахов; мари, коми).

Следующее наше предположение заключается в том, что специфическими представлениями о звездах как о классе объектов у тюрков и финно-угров явились возврения о том, что первым они представлялись преимущественно в форме метеорологических объектов, а вторым – самими по себе уже божествами. Также характерным именно для тюрков, а не для индоевропейцев, вопреки мнению исследователей, был сюжет о том, что звезды-собаки или волки прикреплены некими путями к Полярной звезде. Общим представлением о звездах как о классе объектов для финно-угров и индоевропейцев явилось, по-видимому, подчеркивание связи людских судеб и звезд, изначально не характерное для древних тюрков. Однако у финно-угров, например у мари, со звездами преимущественно связывались судьбы девушек и женщин. В целом следует признать заимствованной, по крайней мере славянами, тюркскую мифологему о «звездной привязи».

Далее нами было выяснено, что в тюркских языках понятие «звезда» обозначается одним словом. В финно-угорских имеется по меньшей мере два варианта. Это можно объяснить тем, что тюрки-скотоводы, создатели могучих империй древности и средневековья, были более консолидированы, чем преимущественно охотники финно-угры.

Еще одним нашим наблюдением является вывод о том, что отражение астральной мифологии в именнике имело место и у тюрок, и у финно-угров. При этом, похоже, что у последних (на примере мари) патриархальные мотивы выражены определеннее, поскольку все имена, связанные со звездами – женские.

Проведенный отдельный разбор таких важнейших космонимов тюрок и финно-угров как Млечный Путь и Полярная звезда, с точки зрения специфических, общих и заимствованных моментов, позволил нам отметить, что сравнение Млечного Пути с молочным следом среди тюрков, как оказалось, фиксируется только у чувашей и киргизов. Более популярен у тюркских народов космоним «небесного шва» (у якутов, тувинцев, ногайцев, турок). Собственно тюркской мифологемой Млечного Пути видится сравнение его со снегом, инеем. На это указывает довольно подробно записанный хакасский миф, а также маргинальность роли снега в китайском мифе. Несмотря на то, что сравнение Млечного Пути с «дорогой птиц» исследователи связывают преимущественно с финно-угорскими народами, нами было выяснено, что наиболее полные и разнообразные сюжеты о Млечном Пути как «дороге перелетных птиц» (с конкретизацией породы) были зафиксированы в Урало-Поволжье (у башкир, мари). Это говорит о том, что именно данный регион стал источником указанного мифа. Также мы выяснили, что мифологема Млечного Пути как «дороги душ», признаваемая более древней, могла возникнуть из общих для индотиоокеанской и североевразийской областей мифологем «звездной реки», а также «радуги-змеи». Об этом говорят мифологические представления, зафиксированные как у тюрков (чувашей), так и у финно-угров (води, мари). Специфичным финно-угорским (венгерским, мари) космизмом в отношении Млечного Пути может быть названо его уподобление полотну (платку) звездного божества. Мифологема Млечного Пути как «лыжного следа» наиболее популярна у финнов и обских угров. Тем не менее, возможно, данный мотив присутствовал и у мари. Безусловным заимствованием из регионов Средиземноморья и Ближнего Востока у узбеков, казахов, татар и венгров следует счесть сравнение Млечного Пути с «рассыпанной соломой».

Нами было высказано мнение, что о древности мифологемы Полярной звезды «шеста/кола» (казык) для тюрок свидетельствует этиологический и одновременно космогонический древнетюркский миф о возникновении Полярной звезды, согласно которому последняя образовалась из золотого посоха бога неба Тенгри. Также мы выдвинули предположение о том, что для прибалтийско-финских народов более распространенной мифологемой стало, видимо, общее с европейскими народами сравнение Полярной звезды с гвоздем. Тем не менее как и у других финно-угров, у них сохранилось представление о мировом столпе, которое, на наш взгляд, является более древней североевразийской чертой. В данном случае особенностью финно-угорских представлений явилось то, что Полярная звезда могла соотноситься с птицей, сидящей на вершине мирового столба, или даже звездной богиней (у мари, возможно, у мордвы). Последняя специфика представлений о Полярной звезде у финно-угров, по всей видимости, объясняется результатом развития прежних зооморфных, точнее даже орнитоподобных, образов птиц-totemov, птиц – олицетворений душ, в образы звездных богинь.

Таким образом, выводы, к которым мы в совокупности пришли, позволяют выдвинуть и пока в общих чертах обосновать гипотезу об определенной урало-алтайской общности в области астральной мифологии, которая представляет собой еще достаточно ранний этап в развитии мифологических представлений тюрков и финно-угров. При этом у тюрков уже наблюдались новации, связанные со специфической скотоводческой формой

хозяйства, а у финно-угров продолжали сохраняться традиции, определяемые охотничьим обществом.

Исходя из этого, стоит прийти к общему заключению о том, что астрономические воззрения тюрков и финно-угров, вопреки некоторым, имеющимся в науке точкам зрения, в своей основе не являются «бедными» или большей частью заимствованными из авраамических религий, а также у соседних народов (преимущественно индоевропейцев: иранцев, славян и т.д.) или друг у друга.

Библиография

1. Абдуллина Г. Р., Гайнуллина Г. Д. Наименования небесных тел (на материале башкирского языка) // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2014. Т. 20. С. 1141–1145. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54492.htm> (дата обращения: 01.12.2024)
2. Айбабина Е. А., Безносикова Л. М. О некоторых народных космонимах и астронимах в коми языке // Известия Коми научного центра УрО РАН. Выпуск 2(14). Сыктывкар, 2013. С. 96–100.
3. Акцорин В. А. Мировоззренческие представления финно-угорских народов по данным фольклора // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Выпуск IX. Йошкар-Ола, 1994. С. 5–19.
4. Башкирские предания и легенды. Составление, вступительная статья, комментарии Ф. Надшиной: Уфа, Башкирское книжное издательство, 1985. 288 с.
5. Берёзкин Ю. Е. Рождение звездного неба. Мифология космоса. М.: Издательство АСТ, 2022. 288 с.
6. Берёзкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 01.12.2024)
7. Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных. / Сост. С. Старостин, Г. Старостин. Алтайские этимологии. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=dataaltaltet> (дата обращения: 01.12.2024)
8. Вавилонская Башня. Проект этимологической базы данных. / Сост. С. Старостин, Г. Старостин. Уральские этимологии. URL: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=datauralicuralet> (дата обращения: 01.12.2024)
9. Вершинин В. И. Марий мут-влакын күшеч лиймышт: этимологий мутер. Происхождение слов марийского языка: этимологический словарь: в 2 т. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «Стилинг», 2018. Т. II. Н – Я., 2018. 741 с.
10. Вольтер Э. Финская мифология. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефона. URL: https://gufo.me/dict/brockhaus/Финская_мифология (дата обращения: 01.12.2024)
11. Гуломшоев С., Дубова Н. А., Никифоров М. Г., Полякова М. К. Календарно-астрономические представления жителей долины реки Я gnob // Восток (Oriens), 2023, 3, 60–73.
12. Данилов О. В. Языческие культуры древнего населения Марийского Поволжья. Йошкар-Ола, 2016. 336 с.
13. Журакузиев Н. И. Космогоническая мифология в древнетюркских письменных памятниках. Автореферат диссертации на соискание степени доктора философии. Ташкент, 2018. URL: https://www.academia.edu/63330559/Cosmogony_mythology_in_the_ancient_Turkic_written_monuments (дата обращения: 01.12.2024)
14. Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в лунарных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 5. С. 26–41. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.5.43977 EDN: XMZINY URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_43977.html

15. Иликаев А.С., Шарипов Р.Г. Параллели в солярных мифах тюрков, монгольских народов и восточных финно-угров // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 6. С. 112–134. DOI: 10.7256/2454-0609.2023.6.69212 EDN: RTGGPU URL: https://e-notabene.ru/hsmag/article_69212.html
16. Илиуф Х.-М. Ш. Диффузия образов крылатых коней из прототюркской мифологии // Диалог культур: поэтика локального текста. Материалы VI Международной научной конференции. / Под ред. П.В. Алексеева. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 221–237.
17. Калиев Ю. А. Мифы марийского народа. Йошкар-Ола: Издательский дом «Марийское книжное издательство». 2019. 447 с.
18. Калиев Ю. А. Об астральных представлениях марийцев // Современные проблемы развития марийского фольклора и искусства. Выпуск IX. Йошкар-Ола, 1994. С. 18–26.
19. Камилянов В. Каким был древний марийский календарь. URL: <https://promishkino.ru/articles/kultura/2021-12-17/kakim-byl-drevniy-mariyskiy-kalendar-2623689> (дата обращения: 01.12.2024)
20. Каракаева С. Р., Абдуллина Г. Р. Отражение наименований небесных тел в башкирских личных именах // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 8 (50). 2015. Ч. 1. С. 87–89.
21. Кириллова Л. Е. Удмуртская космонимия // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. 2 (31). С. 31–40.
22. Левкиевская Е. Е. Мифы русского народа. Москва: Астрель АСТ, 2003. 528 с.
23. Марийский фольклор: Мифы, легенды, предания. Сост. В.А. Акцорин. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 285 с.
24. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. Т. 1. А – К. 671 с. 26.
25. Муравьева Т. Мифы Поволжья. От Волчьего владыки и Мирового дерева до культа змей и птицы счастью. М.: Манн, Иванов и Фербер. 328 с.
26. Напольских В. В. Древнейшие этапы происхождения народов уральской языковой семьи: данные мифологической реконструкции (прауральский космогонический миф). М.: Институт этнологии и антропологии АН СССР, 1991. 190 с.
27. Песни луговых мари. Ч. I. Обрядовые песни / Свод марийского фольклора. Сост. Н.В. Мушкина. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 592 с.
28. Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. М.: Изд-во АСТ: Транзиткнига, 2003. 463 с.
29. Петрухин В. Я. Финно-угорская мифология: по следам «Калевалы». Москва: Эксмо: Язуа: Институт славяноведения РАН, 2024. 480 с.
30. Пивкина С. В. Образ богини Анге-Патяй-паз в мордовском фольклоре: К вопросу о мифологической природе персонажа // Центр и периферия. 2014. № 4. С. 92–96.
31. Попов Н. С., Таныгин А. С. Юмын йула (Основы традиционной марийской религии). Йошкар-Ола: Марий Эл Республикаын туwyra да калык кокласе кыл шотышто министерство, Республикасы усталык рудер, 2003. 272 с.
32. Путешествие к восточным мари. К 100-летию первого всероссийского съезда мари / Отв. за выпуск Иванова О.М. Уфа: Изд-во «Башкортостан», [без год. изд.]. 54 с.
33. Салихов Г. Г., Галимов Б. С. Мифы в картине мира башкир. Уфа: Китап, 2018. 208 с.
34. Ситников К. И. Словарь марийской мифологии. Т. 1. Боги, духи, герои. Йошкар-Ола, 2006. 160 с.
35. Хазиева А. А. Названия космических объектов в словаре М. Кашгари «Дивану люгат иттюрк» // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2018. № 2(80). Ч. 2. С. 383–387.
36. Харва (Хольмберг) У. Верования алтайских народов / пер. с англ. отв. ред. А.В. Головнев. Росс. акад. наук, Уфимский федер. исследовательский центр, Ин-т

- этнологических исслед. им. Р.Г. Кузеева. Москва: Castalia, 2022. 314 с.
37. Харва (Хольмберг) У. Верования и мифология народов Северной Евразии / пер. с англ. отв. ред. А.В. Головнев. Росс. акад. наук, Уфимский федер. исследовательский центр, Ин-т этнологических исслед. им. Р.Г. Кузеева. Москва: Castalia, 2022. 354 с.
38. Христофорова О. Мифы северных народов России. От творца Нума и ворона Кутха до демонов кулей и злых духов канна. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 288 с.
39. Черепенчук В. С. Мифы Урала и Поволжья. М.: Эксмо, 2024. 256 с.
40. Черных П. Я. Словарь марийских личных имен (Марий ен лўум-влак мутер). Около 16000 имён. Йошкар-Ола: Марийский гос. университет, 1995. 626 с.
41. Шаряфетдинов Р. Х. Мифопоэтические образы животного мира как отражение картины мира тюркских народов в современной татарской литературе // Наука и школа. 2024. № 3. С. 18–28. DOI: 10.31862/1819-463X-2024-3-18-28.
42. Шкалина Г. Е. Традиционная культура народа мари. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 2003. 208 с.
43. Юрченкова Н. Г. Мифология мордовского этноса: генезис и трансформации / Н.Г. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2009. 412 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Параллели в астральных мифах тюрков и финно-угров: на примере мифологем Млечного Пути и Полярной звезды» предполагает проведение сравнительно-сопоставительного анализа проявлений астериизма в мифологии тюркских и финно-угорских народов.

Применен комбинированный метод, включающий историографический анализ, сравнительный анализ мифов, лингвистический анализ. Вместе с тем необходимо представить более четкое описание методики исследования в соответствии с заявленными в названии статьи задачами сравнительно-сопоставительного анализа параллелей в астральных мифах, конкретизировать применяемые методы сравнения – метод противопоставления, метод совпадений, экспертный метод, эвристический и т.д. Тематика публикации актуальна. Статья носит междисциплинарный характер, сочетает в себе элементы исторических, этнографических, лингвистических, религиоведческих исследований, фольклористики и мифологии.

Несомненно, работа оригинальна. Однако необходимо более четко определить, в чем заключается новизна исследования, представить авторские новые гипотезы, развивающие или опровергающие существующие точки зрения, аргументировать свой вклад в проблему типологизации различных проявлений астериизма.

Структура текста представляется достаточно логичной. В то же время статья носит описательный характер и явно нуждается в систематизации. Содержание статьи информативно, но местами избыточно. Необходимо более четко структурировать материал, выделив основные проблемы и вопросы. Например, автор последовательно дает описание обозначений для понятия «звезда», Млечный путь, Полярная звезда в тюркских и финно-угорских языках, но проведения параллелей, сравнительного анализа не наблюдается. Между тем, содержание изложенного напрашивается на более глубокое структурирование и выделение ключевых элементов для сравнения по таким позициям, как проформа, заимствование, мотивы, лексические варианты, отражение в именнике, редкие имена, табуированные и т.д. Все это логично было бы сопроводить

сравнительными таблицами, визуализировать картографически, графически. Кроме того, в тексте конкретно не называются те тюркские и финно-угорские народы, мифы которых лег в основу сравнительного анализа, .заметно бессистемное, случайное обращение к фольклорному и историко-этнографическому материалу различных народов. Отсутствует привязка ко времени существования мифов, сведения о сохранении и трансформации астральных представлений у тех или иных народов, о вытеснении астральных представлений другими. Известно, что астерилизм, знания о звездном небе существенно влияли на бытовые традиции, обязательно учитывались при проведении сельскохозяйственных работ – данный аспект не получил отражения в статье.

Внушительная библиография свидетельствует о глубоком погружении автора в тему. Очевидным при этом является обращение к различным работам как к источникам информации и отсутствие явного диалога с другими исследователями. Автор недостаточно обращается к исследованиям современных авторов, таких как Гуломшоев С.А., Дубова Н.А., Никифоров М.Г., Полякова М.К. и др. - публикации за последние 5 лет составляют менее 20% общего списка примечаний.

Выводы расплывчаты. В Заключении автор вместо конкретных выводов по сравнению астральных мифологем тюркских и финно-угорских народов вновь приводит различные мнения, используя формулировки «как считают ученые», «по нашему мнению», «по мнению авторов». Автору следовало более четко обозначить свою позицию по отношению к существующим теориям и гипотезам.

Не смотря на замечания, работа может представлять интерес для этнографов, историков, культурологов, специалистов в области гуманитарных наук в целом. Рекомендуется переработать статью с учетом замечаний: усилить методический арсенал исследования; обосновать научную новизну; структурировать текст, сопроводив его таблицами, схемами, картами; расширить библиографию за счет публикаций за последние 5 лет; конкретизировать выводы.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Начиная со второй половины XVI векаmonoэтническое Московское государство начинает постепенную трансформацию в полигетническое государство Российское, в котором на пространствах 1/6 части суши проживали народы, отличающиеся языком, культурой, конфессиональной принадлежностью, хозяйственным укладом. Вопреки расхожим домыслам именно многонациональность является силой России. При этом помимо традиционного славянского этноса заметную роль в истории нашей страны сыграли тюрки и финно-угры. В этой связи вызывает интерес изучение различных аспектов истории и культуры тюрков и финно-угров.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются астральные мифы тюрков и финно-угров. Автор ставит своими задачами проанализировать степень изученности проблемы, а также сопоставить основные образы и сюжеты астральной мифологии тюрков и финно-угров.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: на основе проведенного сравнительного анализа астральных представлений тюрков и финно-угров, выдвинута гипотеза "об определенной урало-алтайской общности в области астральной мифологии,

которая представляет собой еще достаточно ранний этап в развитии мифологических представлений тюрков и финно-угров".

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя 43 различных источника и исследования, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников укажем прежде всего на башкирские предания и легенды и марийский фольклор. Из используемых исследований отметим труды В.Я. Петрухина, В.И. Вершинина, В.В. Напольских, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения мифологии народов России. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как мифологией, в целом, так и астральной мифологией, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структуры работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что для сопоставления основных образов и сюжетов астральной мифологии тюрков и финно-угров в работе используются "преимущественно мифы башкир и мари, а также тех этносов, которые в первую очередь имеют отличные от других астронимические представления". В работе показано, что

"специфическими представлениями о звездах как о классе объектов у тюрков и финно-угров явились воззрения о том, что первым они представлялись преимущественно в форме метеорологических объектов, а вторым – самими по себе уже божествами". Автор приходит к выводу о том, что "мифологема Млечного Пути как «дороги душ», признаваемая более древней, могла возникнуть из общих для индотихоокеанской и североевразийской областей мифологем «звездной реки», а также «радуги-змеи».

Главным выводом статьи является то, что

"астрономические воззрения тюрков и финно-угров, вопреки некоторым, имеющимся в науке точкам зрения, в своей основе не являются «бедными» или большей частью заимствованными из авраамических религий".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена таблицей, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в учебных курсах, так и в рамках дальнейшего изучения мифологии этносов, населяющих Россию.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".